

Приключение принцессы (Дорошевич)

Принцесса Клотильда гуляла по великолепным садам своего дворца и мечтала... о бедных. Вчера принцесса спросила у камергера:

— Скажите, в нашем королевстве есть бедные?

Камергер улыбнулся тою улыбкой, которой он улыбался всю жизнь. Которой улыбался всю жизнь его отец-камергер. Которой улыбался его дед, тоже бывший камергером. Сделал глубокий поклон и ответил:

— Правление его величества, августейшего родителя вашего высочества, а нашего всемилостивейшего короля, так мудро, что во владениях его величества вовсе нет бедных!

Принцесса вздохнула и сказала:

— Жаль!

Камергер чуть было не взглянул на неё с удивлением, но счёл это несогласным с этикетом, и с сочувствием вздохнул.

— А во владениях нашего соседа, короля Ромуальда, водятся бедные? — спросила принцесса.

Камергер вспомнил мудрое правило своего отца, которое тот получил ещё от деда:

— Ничто не возвышает нас так, как унижение другого. Если бы дворец упал, — деревенская колокольня была бы самым высоким зданием в окрестности.

Он сделал глубокий поклон и ответил:

— Если бы, — от чего да избавит нас бог! — на свете не было нашего всемилостивейшего короля, — его величество короля Ромуальда можно было бы назвать самым мудрым правителем в мире. Но, к сожалению, выбор приближённых у его величества не так удачен, отчего сильно страдают государственные дела. И я не посмею скрыть от вашего высочества, что королевство его величества короля Ромуальда имеет бедных больше, чем нужно для благоустроенного королевства!

— Счастливое! — вздохнула принцесса.

Камергер поторопился в глубоком поклоне скрыть новый приступ удивления.

Отправился домой и поспешил записать весь этот разговор в книгу, которую он вёл каждый день и которая называлась: «Летопись величайших событий, свидетелем которых я был». Потому что, будучи камергером, он считал себя человеком историческим.

Третьего дня, — это было воскресенье, — принцесса Клотильда была в придворной церкви.

Знаменитый проповедник, приехавший из Парижа, произносил проповедь: — О любви к бедным. Он заклинал любить бедных. — Как любят их господь бог и все святые. Напоминал, что божественный младенец родился среди бедняков.

И в пламенном красноречии своём воскликнул:

— Самые великолепные дворцы не видели в своих стенах столько праведников и святых, сколько жилища бедняков.

Речь произвела сильное впечатление на принцессу. Третий день она чувствовала, что в голове её происходит что-то такое, чего не делалось никогда. Она думала:

«Что же это за люди — эти „бедные“?

Если сам господь бог, которого, конечно, с восторгом приняли бы в свои дворцы самые могущественные короли мира и окружили величайшей роскошью, предпочитает дома и общество „бедных“?

Если все святые стремятся к ним? Вероятно, они умны, остроумны, интересны, добры. Самое дыхание их, может быть, наполнено ароматом. Какие манеры должны быть у них!

Какие платья они носят? В каких жилищах должны они жить?

Если их предпочитают нам! Если мы, в сравнении с ними, кажемся несчастными и недостойными! Эти люди блестящее королей и великолепнее принцесс! Которых нельзя не любить, которых любить велит нам святая церковь!»

Отправиться в соседнее счастливое королевство и увидеть этих таинственных и чудных людей стало мечтой принцессы.

Она выбрала день, когда король, её отец, был в хорошем настроении.

Это было нелегко. Его государство вело в это время несчастную войну, и его армия терпела поражение за поражением.

Но сегодня королю удалось затравить на охоте двух зайцев, и он был в отличном расположении духа.

Принцесса воспользовалась счастливым случаем и сказала отцу:

— Ваше величество спрашивали меня вчера, почему я так задумчива. Скажу вам откровенно, как я привыкла говорить вам всё. Мне хотелось бы развлечься и проехать в соседнее королевство короля Ромуальда, если это не противоречит желаниям вашего величества...

Король посмотрел на неё с улыбкой.

Принцесса была его единственным ребёнком, а у соседа был сын.

Король только и мечтал, чтобы его дочь сделалась королевой обоих королевств. Он весело сказал:

— Прекрасно, малютка! Отличная мысль! Кстати же, король Ромуальд со своим сыном был у нас, и я ещё должен ему визит. Постарайся быть ещё красивее, если только это возможно, — на следующей неделе мы едем к старику Ромуальду.

С трепетом сердца въезжала принцесса в столицу короля Ромуальда.

— Здесь!

Она с жадностью глядела по сторонам. Но видела то же, что видела и у себя.

Посыпанные жёлтым песком улицы. Очень много солдат, конных и пеших. Флаги. Ковры на балконах. Триумфальные арки. Гирлянды цветов через улицу. За солдатами ту же толпу иначе, чем солдаты и придворные, одетых людей. Те же крики, музыка и пушечная пальба. «Если бы „они“ были здесь, — мне сердце сейчас бы сказало: вот они! Да их было бы невозможно не узнать!» — думала принцесса.

— Но они так избалованы! Любимцы бога и святых! Так горды, что не захотели даже поинтересоваться взглянуть на нас! — добавляла она про себя с невольной горечью.

Среди балов, среди празднеств она однажды спросила наследного принца, с которым её нарочно оставили беседовать вдвоём:

— У вас много бедных, ваше высочество?

Принц не счёл нужным скрывать своего удивления.

Он взглянул на принцессу с удивлением и ответил:

— Да. Кажется, много. Они живут там, на краю города.

Принцесса спросила с замиранием сердца:

— Их можно видеть?

— Они сюда никогда не показываются, ваше высочество.

— И вы, вы, ваше высочество, никогда не видали «бедных»?

— Зачем?

Принц пожал плечами и перевёл разговор на соколиную охоту.

— Принц — это глупость, одетая в красоту, — решила про себя принцесса.

Между тем, праздники кончались, и был назначен день отъезда. Уехать, так и не увидав этих таинственных людей, которых сам бог предпочитает королям!

Накануне отъезда, в одиннадцать часов, откланявшись королю Ромуальду и пожелав спокойной ночи отцу, принцесса ещё час подождала в своей комнате и в полночь, одна, вышла из дворца и пошла, — побежала, скорее, на край города, туда, где живут «бедные».

Принцесса страшно беспокоилась:

— Так ли я одета? Не покажусь ли я им жалкой? Не осмеяли бы меня? Она уже давно обдумала тот туалет, в котором теперь бежала по улицам. В этом платье она была такой хорошенькой, что не побоялась бы явиться пред всеми королями мира, собравшимися вместе.

Но то короли. Знакомые люди. А это — «бедные». Таинственное племя.

На ней были надеты все лучшие её драгоценности. Им позавидовала бы любая принцесса. Но то подруги! А женщины «бедных»? Как одеты они? Не показаться им дурнушкой, плохо воспитанной, одетой без вкуса!

Но они добры. Если что не так, — они извинят. Дома становились всё ниже и ниже. Улицы всё уже и грязнее. Пахло всё хуже и хуже.

«Должно быть, я пришла!» — подумала принцесса. И обратилась к первому встречному, редкому прохожему.

— Добрый вечер, кавалер, — сказала она, приседая.

— Ступай, ступай своей дорогой! Я — человек женатый! — ответил прохожий.

Принцесса ничего не поняла и с реверансом обратилась к следующему встречному:

— Добрый вечер, кавалер! Не будете ли вы добры проводить меня?...

Прохожий только взглянул на неё мельком:

— Сколько вас тут развелось!

И пошёл дальше.

«Сколько тут принцесс!»- с ужасом подумала принцесса. Она решила:

— Вежливость, однако, очевидно, не принята в столице короля Ромуальда.

И к следующему прохожему обратилась уже без реверанса и приветствия:

— Не будете ли вы так добры мне сказать, где живут бедные?

Прохожий махнул рукой вправо:

— Там!

Махнул рукой влево:

— Тут!

Махнул рукой вперёд, назад:

— Где вам угодно. Идите в любой дом!

И принцесса в глубоком недоумении осталась среди улицы.

— Как же могут жить «бедные» среди такой грязи? Когда каждую минуту к ним может придти святой?

Во всех домах было темно.

«Бедные уже спят!» — с горечью подумала принцесса. Но в одном окне увидела свет, осторожно отворила дверь и вошла.

— Кто там? — раздался испуганный женский голос из комнаты, из которой на принцессу пахнуло таким дурным запахом, что принцесса чуть не лишилась чувств.

— Извините! — слабым голосом пролепетала она. — Я не туда попала! Я хотела бы видеть «бедных».

— Входите! Входите! Беднее нас нет во всём околотке!

Женщина стояла около детской колыбельки, в которой тяжело дышал, хрипел и задыхался ребёнок, весь красный, со струпьями на лице.

Увидев принцессу в золотом платье, с брильянтами и жемчугом на пальцах, женщина, одетая в грязные лохмотья, вскрикнула и упала на колени:

— Вы фея?

Принцесса с изумлением глядела кругом. Здесь? Эти? Такой запах?

Женщина ползала у неё в ногах:

— Вы пришли спасти моего ребёнка? Вы его спасёте? Вы фея?

Принцесса в ужасе от этого страшного голоса спросила:

— Что с вашим ребёнком?

— У него оспа. Он умирает. Спасите!

Услышав, что ребёнок умирает, принцесса забыла и про грязь, и про вонь, и про лохмотья.

— Как? У вас умирает ребёнок, — и вы не позовёте доктора? Да это бессердечно! Это бесчеловечно! Скорее, скорее пошлите за вашим доктором и за аптекарем. Доктор пропишет, аптекарь сделает лекарство!

— У нас нет денег заплатить доктору! — простонала женщина.

— Как? — изумилась принцесса. — Ребёнок умирает, и человек, который знает, как его спасти, станет требовать за это деньги?! Вы ошибаетесь, моя милая! Вы слишком дурно думаете о людях!

— Дайте, дайте нам денег! — стонала женщина, не слушая её, ползая в ногах и целуя подол её золотого платья.

— Денег? Принцесса развела руками.

— У меня нет денег. Зачем деньги? О деньгах думают только дурные люди.

Тогда женщина вскочила, словно расвирепевшая кошка:

— Зачем же ты пришла сюда? Кто ты? Смерть? Смерть ты? За моим ребёнком?

От её крика в углу с кучи тряпья поднялся проснувшийся человек.

Такого вида, что у принцессы подкосились ноги. С бороною. В рубище.

— Что там такое? — сказал страшный человек. — Что с нашим ребёнком?

— Отец! Спать! Когда ребёнок умирает! — воскликнула принцесса, хватаясь за голову.

— Поспала бы, если бы набегалась целый день, искавши работы! — сказал страшный человек. — Это что за барыня? Откуда?

— Я прошу у неё денег, денег, — в ужасе, в отчаянии кричала женщина, тыча в неё пальцем, — а она врёт, будто у неё нет!

— Но у меня нет денег! — заплакала принцесса. Ей казалось, что она спит, и что ей снится страшный кошмар.

— Стой, жена! — сказал страшный мужчина, отодвинув рукой ужасную женщину и подходя ближе к принцессе. — Слушайте, барыня! Помогите, в самом деле! Если у вас точно нет денег, — дайте хоть вещь. Ого! Какие кольца! Для каждого из них ростовщик ночью вскочит с постели да ещё ущипнёт себя: не во сне ли? На каждое такое кольцо можно позвать полсотни докторов. Мы заложим не за дорого. Завтра вы пошлёте и выкупите. Дайте самое дешёвенькое, какое у вас есть. Вот это.

— Это подарок моего отца! — воскликнула принцесса. — Будет оскорблением для него, если я расстанусь с его подарком.

— Ну, это?

— Это подарок отца моего будущего жениха. Он почтёт обидой, если узнает, что я оказала такое презрение к его подарку, и брак может...

— Ну, это!

— Это фамильное. Это кольцо носила ещё моя покойная мать...

— Да есть же у вас хоть одна вещь, купленная вами...

— Я не покупала ни одной вещи! — дрожа, ответила принцесса. — И не имею права ни одной распорядиться...

— Так на кой же дьявол ты, разряженная, пришла сюда? — завопил вдруг и затопал ногами страшный человек. — Смеяться? Вон! Убирайся вон! Слышала? Вон! «Убирайся»... «Вон»...

Принцесса не знала, что значат эти слова. Но чувствовала, что они значат что-то нехорошее. Закричала в ужасе и опрометью кинулась из страшного дома. Голова у неё горела.

Она бежала, путаясь в платье, падала, вскакивала и снова бежала, боясь оглянуться.

Ей казалось, что страшный человек гонится за ней по пятам. Едва добежала она до дворца. Земля поплыла у неё под ногами.

Принцесса упала в дверях без памяти. Всполошилась стража. Всполошили дворец. Принцессу, в изодранном платье, в грязи, перенесли на постель.

Она встала с красным, пылающим лицом, с открытыми, полными ужаса глазами, никого не узнавала. С её сухих, воспалённых губ срывались неясные слова: — Бедные... ребёнок... деньги... кольца... убьёт... На следующий день у неё открылась оспа. Принцесса лежала без памяти, среди видений. То ей представлялся страшный человек в рубище и с бородой. С ножом в руках. Человек кричал:

— А! Она не хочет отдавать своих колец! Так мы их отрубим вместе с пальцами!

То она видела святого. Встречала его на дороге и говорила:

— Не ходите к бедным! Зачем вы идёте к бедным? Они злые. Пойдём лучше к нам, во дворец. Мы поместим вас в отличных комнатах и устроим в вашу честь охоту!

Святой кланялся, как кланяются камергеры, и говорил:

— Вы слишком добры, ваше высочество!

— Зовите меня просто принцессой!

И все святые, очарованные её любезностью, шли прямо к ним, во дворец.

А в тронном зале, в золотой колыбели, — наследственной колыбели их рода, в которой лежал когда-то её отец, в которой лежала она, — лежал божественный младенец и улыбался ей, говоря:

— Принцесса Клотильда — самая красивая принцесса во всём свете!

Когда принцесса очнулась, она увидела себя в своей комнате, окружённую фрейлинами, которые радостно воскликнули: «а-а!» — когда она открыла глаза, узнала их и улыбнулась.

— Я, должно быть, очень переменялась за время болезни! — сказала принцесса. — Отчего здесь нигде нет зеркала? Дайте мне зеркало!

Все кругом только заплакали.

Поправляясь, она узнала, что была больна оспой. Что сам папа, узнав об её болезни, прислал кардинала Винченцио.

Знаменитого не только знатностью рода, глубокой учёностью, но и святостью жизни, что не часто встречается даже среди кардиналов.

— Святой кардинал стал во главе всего народа, и весь народ вымолил жизнь вашему высочеству! — с умилением рассказали принцессе фрейлины.

Король, её отец, молясь об её выздоровлении, послал папе драгоценную тиару.

Эта тиара была куплена на деньги всего народа. Король приказал, чтобы в подписке участвовали все без исключения: и богатые, и те, у кого ничего нет.

— Лепта вдовицы была особенно приятна господу! — как пояснил кардинал.

И весь народ, и богатые, и те, у кого ничего нет: — Дали денег на тиару!

— О, добрый наш народ! — со слезами воскликнула принцесса.

Она узнала, что когда её нашли без памяти у дверей дворца короля Ромуальда, король, её отец, решил больную отвезти домой, несмотря на возражения докторов, что это грозит ей смертью:

— Если дочери моей суждено умереть, — пусть умрёт там, где родились и умирали все мы. В нашем дворце!

— О, добрый мой отец! — заплакала принцесса.

Ей рассказали, что король Ромуальд через своего посланного осведомившись, что оспа оставит глубокие следы на лице принцессы, прервал разговоры о свадьбе сына.

Тогда оскорблённый король, её отец, объявил его государству войну.

— Каждый из моих подданных, — объявил он через герольдов, — оскорблён поступком короля Ромуальда так же, как оскорблён я. А если бы было иначе, мой подданный не заслуживал бы чести называться подданным!

Его войско вторглось в пределы короля Ромуальда, уничтожая всё на пути.

Война кончилась кровопролитным сражением.

— Мы победили, хотя на поле битвы осталось двадцать пять тысяч убитых наших воинов!

— О, наши преданные войска! — зарыдала, слушая об этом, принцесса.

Государство короля Ромуальда должно было заплатить огромную дань.

Что же касается до тех, у кого получила оспу принцесса, они были отысканы и их повесили обоих: и мужа, и жену.

— Как? Бедных? — в ужасе воскликнула принцесса.

— Это были не бедные, — это были негодяи! — пояснила ей старая гувернантка, которую пятнадцать лет тому назад прислал принцессе Клотильде английский король.

— «Негодяи»?! — с изумлением повторила принцесса. — Наш язык полон незнакомых слов! Что такое «негодяй»?

— Это люди, которые только и стремятся, чтобы захватить чужое! — объяснила гувернантка.

— Захватить чужое! — в раздумье повторила принцесса. — Но я не видела у них ничего даже своего!

— Это потому, дитя моё, — вмешался в разговор святой кардинал Винченцио, — что господь карает их!

И принцесса радостно и благодарно улыбнулась ему.

— Что значит святой!

От одного его слова принцесса чувствовала, что незнакомая, непонятная тяжесть, которая всё это время давила ей голову, исчезла.

Ум её снова погружался в тихий, отрадный покой. Теперь ей было всё ясно.

— Вы святой! — говорила принцесса, гуляя с кардиналом по чудным садам своего дворца. — Нет, нет! Вы из скромности будете отказываться, но эти слова богу так же хорошо известны на земле, как на небе! Вы святой. Это знаю я: по вашей молитве я выздоровела. И что меня особенно радует, — что вы, святой, пришли не к бедным, а к нам!

Кардинал повернул к ней свою высохшую трясущуюся голову, улыбнулся тонкими, белыми губами. И ласково ответил:

— А разве вы, дитя моё, не бедные... духом?